

2013 л
31 з)

ИРЛИ

Российская академия наук
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российский государственный архив литературы и искусства

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ ВРЕМЕННИК

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

КНИГА 3

ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ В РУССКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ XX ВЕКА

МОСКВА — 2018

ББК 83.3(2рос-рус)
Т307

Основатель издания — Текстологическая комиссия секции языка
и литературы ОИФН РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований по проекту № 18-112-00228,
не подлежит продаже

Ответственный редактор — Н.В. Корниенко

Редколлегия:

Акимова А.С. (ответственный секретарь), Быстрова О.В., Воронцова Г.Н.,
Грачева А.М., Горяева Т.М., Матевосян Е.Р., Московская Д.С.,
Папкова Е.А., Полонский В.В., Терехина В.Н., Трубилова Е.М.,
Тюрина Е.А. (секретарь), Царькова Т.С., Шубникова-Гусева Н.И.

Рецензенты:

доктор филологических наук А.И. Чагин
доктор филологических наук М.И. Щербакова
кандидат филологических наук А.П. Зименков

Т307 ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ ВРЕМЕНИК. Русская литература XX века:
Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в
русском литературном наследии XX века. — М.: ИМЛИ РАН, 2018. —
880 с.

Третий выпуск «Текстологического временника» посвящен исследованию широкого комплекса вопросов, связанных с изучением писем и дневников. Источниковедческий и текстологический ракурс в подходе к изучению документов личного происхождения, «эго-документов», определил специфику представленных в коллективном труде уникальных материалов по истории русской литературы XX в., подготовленных ведущими отечественными источниковедами и текстологами.

Вниманию читателей предлагаются исследования, выполненные на основе новых архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот и представляющих уникальные документы жизни и творчества русских писателей, литературного процесса и истории науки XX в.

Издание адресовано филологам и историкам, преподавателям и студентам, всем, интересующимся Историей русской литературы XX в.

ISBN 978-5-9208-0570-6

© ИМЛИ РАН, 2018

© Коллектив исследователей, составление,
подготовка текста, комментарии, статьи, 2018

От редактора

В отличие от первых двух выпусков «Текстологического временника» настоящий выпуск имеет конкретную тему — «Письма и дневники в русском литературном наследии XX века». В рамках исследования широкого комплекса вопросов данной темы прошли научные чтения, в которых приняли участие авторы настоящего труда: Международная научно-практическая конференция «Дневники и воспоминания в русской литературе XX века» (Санкт-Петербург, Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), 28–30 октября 2013 г.), Всероссийская научная конференция «XX век в зеркалах эпистолярия, дневников, мемуаров» (Саратов, Государственный музей К.А. Федина, 25–26 февраля 2014 г.¹), Международный текстологический семинар «Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. Вопросы текстологии, источниковедения и интерпретации» (Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 28–29 октября 2014 г.).

Именно источниковедческий и текстологический ракурс в подходе к изучению документов личного происхождения, «эго-документов», определяет специфику нашего труда.

Эпистолярное наследие XX в. активно начинает разрабатываться с конца 1990-х гг., вслед за возвращением запрещенных в СССР художественных произведений русской эмиграции и советских писателей. В составе собраний сочинений опубликованы письма крупнейших русских писателей начала XX в.² Интенсивно разрабатывается эпистолярный русский зарубежья. В рамках академических изданий завершена работа над подготовкой, очевидно, самого крупного эпистолярного писательского комплекса XX в. — писем М. Горького. Не столь интенсивно, пока фрагментарно, но все-таки разрабатывается эпистолярное наследие писателей советской России. Готовятся новые издания писем классиков советской литературы. Редко, но публикуется переписка писателей.

Утраты в эпистолярном наследии советских писателей колоссальны. Сотни писем исчезли при аресте писателей и их архивов. Писательские архивы гибли в Москве и блокадном Ленинграде в годы Великой Отечественной войны. Немало адресатов наших классиков просто ушло из жизни, не дождавшись пытливых биографов... Есть еще один пласт эпистолярия, являющийся важнейшим

¹ Совместная с Институтом мировой литературы конференция проходила в рамках ежегодных Фединских чтений; материалы конференции опубликованы, см.: XX век в зеркалах эпистолярия, дневников, мемуаров (Фединские чтения. Вып. 6. Материалы Всероссийской научной конференции / Под ред. И.Э. Кабановой, И.В. Ткачевой. Саратов: ИЦ «Наука», 2015.

² См. анализ изданий писем русских писателей начала XX в.: Лавров А. Эпистолярное наследие М. Волошина. Утраченное и найденное // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2 / Институт мировой литературы им. А.М. Горького. ИМЛИ РАН / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 479–485.

396669

Алла Грачева (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН)

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПЕРВОГО ТОМА КНИГИ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА «РОССИЯ В ПИСЬМЕНАХ»

Аннотация: В статье А.М. Грачевой «Текстологическая история первого тома книги Алексея Ремизова «Россия в письменах»» изложены этапы формирования и публикации произведения ансамблевого жанра. В силу исторических катаклизмов истории России (Первая мировая война, революция 1917 г.) книга смогла быть опубликована только вне России — в 1922 г., в Берлине. В статье проанализированы комплексы сохранившихся архивных материалов, приведены отзывы эмигрантской печати на новое издание Ремизова.

Abstract: In the article by A.M. Gracheva «The textual history of the first volume of the book by Alexei Remizov *Russia in writing*» outlines the stages of the formation and publication of the work. Due to historical cataclysms of the history of Russia (World War I, revolution of 1917) the book could be published only outside Russia — in 1922, in Berlin. In the article the complexes of preserved archival materials are analyzed; references of the emigrant press to the new edition of Remizov are given.

Ключевые слова: Текстология, Алексей Ремизов, авангард, русская литература XX века.

Keywords: Textology, Alexei Remizov, avant-garde, Russian literature of the twentieth century.

Замысел создания книги «Россия в письменах» (далее: *РвП*) возник у Ремизова в период окончания его супругой — С.П. Ремизовой-Довгелло Санкт-Петербургского Императорского археологического института, в котором она прошла полный двухлетний курс обучения (1910–1912 гг.) и специализировалась по славяно-русской палеографии у проф. И.А. Шляпкина. Вместе с женой литератор обучался чтению древнерусских рукописей, а как художник-каллиграф — воспроизведению различных типов письма. В 1912 г. Ремизов замыслил создать серию произведений новаторской художественной структуры. В них авторский текст монтажно соединялся с публикуемым текстом-источником, который относился к тому или иному виду документальной (эпистолярной, деловой) прозы или, наконец, был просто надписью на том или ином объекте материальной культуры.

Основа *РвП* — тексты-источники — были взяты писателем из своего личного собрания, начавшего формироваться в 1910-е гг., в основном, на базе дружеских даров; из обширных семейных архивов Рачинских и Философовых; а также из личного собрания его друга — архивиста, коллекционера И.А. Рязановского.

Создаваемые тексты новаторского жанра (их очень условно можно называть «рассказами») были изначально частями единого творческого замысла — труда под заглавием «Россия в письмах». Отдельные журнальные и газетные публикации рассказов, входящих в *РвП*, в 1913 г. Сначала реализация монументального замысла писателя встречала непонимание со стороны издателей. Трудности публикации подготовленных текстов отражены в письмах Ремизова Д.В. Философому. См. письмо от 17 декабря 1914 г.: «Посылаю Вам три “России в письмах”. Посмотрите их, может, и пригодится которое письмо. Места не должны занять много: тексты можно было бы печатать мелко, а введения мои крупно. Гранки писем из “Заветов”, которые обещали прислать, пришлите <...> Я думаю о 12 годе отдать в сборник — в *большой* сборник в пользу раненых Литер<атурного> Общ<ества>»¹. Письмо от 10 декабря 1915 г.: «Дмитрий Владимирович, если Вам не надобна “Россия в письмах”, то прошу, пришлите мне ее — “Грамотку”»². Письмо б.д. <1915?>: «В “Голос Жизни” отдал я 6 сказок <...> Уговорился с Леонидом Евг<еньевичем> по 30 коп. за строчку. Выходило по моим расчетам 200 руб<лей>. Деньги попросил вперед. И пришел артельщик (старичок такой складный), принес 200 руб<лей>, принес и условие подписать. А в условии сказано по 25 коп<еек> за строчку. Долго я морил Леонида Евг<еньевича> у телефона. Согласился на 25 коп<еек> (потому согласился, что эти 200 руб<лей> под носом лежат, а отказаться страшно, нет ничего), согласился, но с уговором: дам я “Россию в письмах” “Разорение, общественно случившееся” 100 руб<лей> за лист. Напечатают эти письма и я не только не буду должен (ведь, если по 25 коп<еек>, как согласился, выходило, что сказки не покроют 200 руб<лей>), а мне еще должны будут. В последний раз Леонид Евг<еньевич> мне сказал, что “Письма” пойдут в ближайшем №-е — в 2-х №-рах и пообещал корректуру прислать <...> Если “Письма” теперь не пойдут, а мне почему-то кажется, что не пойдут (* Леонид Евг<еньевич> знал всю пружину и потому, должно быть, решил их напечатать) <Примеч. Ремизова. — А.Г.>, мне нет никакого расчета давать рассказ, п<потому> ч<то> за этот рассказ получить мне ничего не придется, все пойдет на покрытие 200 руб<лей>. Только прошу Вас, мне их тогда верните: рукопись самих писем цела, а вступления к ним у меня нету. В “Голос Ж<изни>” я послал рукопись вступления и гранки писем (набрано было в “Заветах” для августа). Дмитрий Владимирович, пишу я очень мало и очень кратко, длинные у меня только письма, п<потому> ч<то> не мои. И сую я их всюду на разбавку, их принимают, выдают деньги, а потом они возвращаются ко мне. Такая же история и в “Вершинах”, там лежит письмо одно 1814 г. кн. Голицыну о Библейском обществе, англичанка писала. За него я 25 руб<лей> у Владимира Ник<олаевича> взял, а Гутзац испугался. Носил я это письмо в “Отечество”, там оно не подошло. Если про это писать, и строчек не хватит. А пишу я это для того, чтобы сказать, какая это питательная вещь письма и как из этого ничего не выходит»³.

Окончательная кристаллизация замысла свести тексты отдельных публикаций и подготовленных рукописей откомментированных Ремизовым исторических материалов в книгу «Россия в письмах» относится к концу 1916 г. и связана с издательским отделом благотворительного Скобелевского комитета (1904–1918). Перипетии этой неудавшейся попытки издания книги отражены в пись-

мах Ремизова И.А. Рязановскому. 10 января 1917 г. Ремизов писал: «Дорогой Иван Александрович! Сейчас я составляю книгу “Р<оссия> в пис<ьмах> вып<уск> I Каменные пруды”. Так как издать такую книгу невозможно за гонорар, я предложил ее в пользу детей осиротелых. Чехонин будет делать обложку. Рвусь к Вам, чтобы посоветоваться»⁴. О ходе работе над оформлением книги свидетельствуют открытки Ремизова Рязановскому от 26 января 1917 г.: «...Кляннется и поздравляет Чехонин, сидящий сейчас за моим рукописанием. Жду дорогого Ивана Александровича в субботу 28-го на совещание по украшению “России в письмах”»⁵; от 6 февраля 1917 г.: «Дорогой Иван Александрович! В среду 8-го около 6^и ч. вечера буду у Вас. К этому времени подойдет Давид Иванович Марьянов с художником. Решили Вам поклониться: дать указания и научить художника украшениям из Ваших сокровищ пряничных — мою “Россию в письмах” хотят ознаменовать Вашими пряниками. Книга поступит в продажу в пользу бехтеревского приюта “детей беженцев”. Придется на обложке это сказать. Ужасное слово “беженцам”. Пишу нескладно и... плохо себя чувствую. [посередине открытки схематичное ремизовское изображение титульного листа книги: “Алексей Ремизов / Россия в письмах / Вып. I / Каменные пруды”. Сбоку от рисунка запись: “1) надо подобрать для обложки рамку и буквы 2) украшения для отделения текста моего от материалов”]⁶. Данное воспроизведение обложки будущей книги свидетельствует об изначальном планировании Ремизовым издать нескольких выпусков (томов) *РвП*. После Февральской революции Скобелевский комитет претерпел серьезную реорганизацию, затронувшую и деятельность его издательского отдела. Это сыграло негативную роль в деле публикации книги Ремизова. См. письмо-открытку Ремизова Рязановскому с характерной датировкой: «14 V 1917 Смутное время»: «Во вторник очень прошу Вас зайти к нам. Вдруг вспоминаю Марьяничка и начинаю беспокоиться. До чего это свинство у нас — я ему три открытки послал. Со скарбом насвинячили, с “Рос<сией> в письмах”»⁷. В августе 1917 г. произошел раздел имущества благотворительного и просветительного отделов Комитета, значительно изменился характер его деятельности. Очевидно, все это способствовало окончательному краху планов публикации книги Ремизова. Об этом свидетельствует его письмо Рязановскому от 28 августа: «Надо отыскать Марьянова. Где-то в Скобелевском комитете надо искать его. (Где Скобелевский комитет не знаю, кажется на Суворовск<ом>. Надо взять “Россию в письмах”»⁸. Это письмо вложено в самодельный конверт с абстрактным рисунком Ремизова и адресом: «старцу Дебринскому Ивану Александровичу Рязановскому Кавказский пряник от А. Ремизова 1917 г. 29.VIII Ессентуки». Рисунок окружен надписями. Над ним написано: «Тушино»; под ним — «Смутное время»; справа — «Спасите мою “Россию в письмах” из рук нечестивых Марьяничка»; слева: «Приезжаем 9 (суббота) в 12 ч. 50 м. дня»⁹. После Октябрьского переворота деятельность Скобелевского комитета была парализована, в апреле 1918 г. он был окончательно ликвидирован. Наборная рукопись книги, состоящая из текстов опубликованных и неопубликованных материалов, была возвращена автору и в целостном виде не сохранилась.

Ремизовские намерения издать *РвП* на рубеже 1916–1917 гг. окончились неудачей. При отсутствии наборной рукописи сложно говорить о том, что кон-

кретно представляла собой *РвП*, подготовленная к изданию в конце 1916 г. Однако анализ текстов, которые по времени своего создания могли быть в нее включены, позволяет сделать некоторые предположения.

В книгу конца 1916 г. входили бы тексты, дававшие возможность вспомнить знаменитые события, связанные, к примеру, со славой русского оружия (взятие русскими войсками Парижа в 1814 г. или Очакова — в 1788 г.), события, увиденные глазами их рядовых участников, чьи имена не упоминались в исторических сочинениях и справочниках. Также в составе книги должны были присутствовать тексты, восстанавливающие черты «истории повседневности», уцелевшей благодаря ее фиксации в семейной переписке, в разного рода деловых бумагах и в надписях на предметах бытового обихода.

Еще после Первой русской революции Ремизов пришел к убеждению, что только в результате «эволюции», а не «революции» Россия может продолжить движение по своему телеологически предопределенному историческому пути. Замысел *РвП* как писательского проекта изначально заключался в том, чтобы предложить читателю своеобразную интеллектуальную «игру» — постараться самому сложить воедино публикуемые «обрывышки», «иверни» (осколки) документов разных эпох и на основе этой «мозаики» увидеть внутреннюю логику развития русской истории.

В 1917–1921 гг. Ремизов печатал отдельные материалы из подготовленной, но так и не изданной книги в периодике, дополняя ее состав новыми рассказами. Тексты, созданные после 1917 г., имели политический подтекст, им был присущ скрытый, но легко прочитаемый антибольшевистский характер. В рассказы, опубликованные ранее, писатель внес существенную лексическую правку: указал на принадлежность определенных дарителей или владельцев материалов-источников к числу князей или кавалеров придуманной Ремизовым, оппозиционной по отношению к существующему большевистскому режиму Обезьянней Великой и Вольной Палаты (Обезвельволпала).

В 1918 г. кроме прежнего названия «Россия в письмах» в публикациях подборок текстов появляется название «Россия в письменах». Но отдельное издание первого тома «России в письменах» (далее: *РвП-1*) стало возможным только в Берлине в 1922 г. (издательство «Геликон») ¹⁰. Книга вышла в оформлении художника В.Н. Масютина.

В сжатом виде история создания книги и планировавшегося продолжения — второго тома «России в письменах» (далее: *РвП-2*) изложена в дарственной надписи Ремизова жене на экземпляре *РвП-1*, хранящемся в ИРЛИ: «Этот экземпляр, зовомый, так начал бы / Иван Александрович принадлежит тебе / а надписан в Charlottenburg в веселом / месяце мае 28 1922. / Никогда я не думал, что удастся осуществить / такую книгу / начал положен был, когда ты археологическ<ий> / институт кончала и / я “воспріял” приятную / науку археологию / с тех пор все и пошло. / А столько было предварительных / всяких упражнений / скорописных, / опытов и ошибок. / На Таврической вся наука прошла / и упражнения / с Таврической связано по преимуществу / и потом на В<асильевском> О<строве> продолжение. / Еще 1 <имеется в виду: один. — А.Г.> том и этим закончится. / Будет разве что под старость, / если суждено будет / прийти и старости / и в мой век. / А сколько раз эта книга готовилась напечататься, / и однаж-

ды потерялась у Марьянова-Марьянчика / — Наталья Васильевна выручила. / Вот и вся история книги / связанная с Иваном Александровичем Рязановским / а тебе благодарность / за науку / Алексей Ремизов. / Пишу и солнышку радуюсь, только деньги смущают — / не приходят, да еще-то что / только надо сделать / часов не хватит!» ¹¹ (далее: *РвП-1 ИРЛИ*).

Подготовительные материалы-источники *РвП* по своему составу представляют собой: 1) принадлежавшие Ремизову (в основном, подаренные) оригиналы древнерусских рукописей и автографов XVII – начала XX в.; 2) переписанные им и неустановленными лицами копии текстов и документов из личных архивов; 3) фотокопии памятников письменности. Эти источники *РвП* сохранились неполностью и находятся в частях личного архива Ремизова, имеющихся в различных архивохранилищах (ГЛМ, ИРЛИ, РГБ, РНБ, ЦГАЛИ), а также в составе личных архивов других лиц и отдельных коллекций. Выявленные материалы свидетельствуют, что в 1912–1921 гг. Ремизов вел работу по созданию планомерно пополняемой и расширяемой базы источников *РвП*, уже к 1917 г. планируемой автором к изданию в нескольких выпусках (в дальнейшем — томах). Сохранившиеся тексты-источники делятся на: 1) использованные в *РвП-1* и в *РвП-2*; 2) только подготовленные для последующего включения в состав литературных произведений Ремизова. Их палеографический анализ показал, что писатель переписывал большую часть источников черными чернилами на однотипной бумаге в 4-ку, сразу же делая красными чернилами разметку для последующего набора (указания на размер кегля, интервалы и красные строки в тексте). Материалы, предназначенные для создания дальнейших текстов монументального замысла *РвП*, но не использованные писателем, наиболее полно представлены в папке, содержащей в себе переписанные Ремизовым архивные документы XVII–XIX вв. ¹² (далее: *РвП-Материалы*). На титульном листе папки — надпись рукой неустановленного лица: «Россия в письменах. Том II». Фактически это — комплекс подготовленных источников — «заготовок» для второго тома *РвП*. Копии выполнены на однотипной бумаге в 4-ку черными чернилами, заголовки и предварительная разметка для наборщика сделана красными чернилами. В РГАЛИ имеется значительный комплекс переписанных Ремизовым копий писем и документов из архива Рачинских и Философовых ¹³, частично использованных в *РвП-1* и *РвП-2*. Часть из них по палеографическим характеристикам рукописей однотипна с *РвП-Материалами*. В РНБ в архиве Д.В. Филоsofova сохранились два самодельных альбома, созданных Ремизовым и связанных с его работой над документами из семейного архива Философовых. Во-первых, это — рукописная тетрадь в 4-ку, содержащая оригиналы писем Философовых конца XVIII–первой трети XIX в. ¹⁴. На обложке альбома посередине листа надпись Д.В. Филоsofova: «Подарок Алексея Михайловича Ремизова ко дню моего рождения, 26 марта 1919 г. Д. Филоsofov». Вверху справа надпись Ремизова: «Богдановское. 4-е письма: прадедушки, прабабушки и деда Димитрия Владимировича Филоsofova 1793 г. 27 VIII 1801 г. 31.X 1818 г. 8. IX 1837 г. 18. III». На л. 1 тетради рукой Ремизова вычерчено родословное древо упоминаемых в письмах членов рода Философовых и нарисован герб рода. Далее следуют оригиналы писем. Тетрадь завершается написанной Ремизовым краткой библиографией, в которой перечислены источники сведений о генеалогии Фи-

лософовых. Во-вторых, это — рукописная самодельная тетрадь в 4-ку работы Ремизова, содержащая его записи черными и красными чернилами¹⁵. На обложке надпись: «Реестр / Архива / сельца Загвоздь / Философовых / 1763–1845 / 1873, 1884 / (1101 документов)». Наверху обложки карандашная дата рукой Философова: «1919 г.».

Часть подготовительных материалов для продолжения создания текстов для *РвП* Ремизов увез с собой в эмиграцию. В парижской части архива Ремизова, хранящейся в ГЛМ (Ф. 256. Оп. 2), находится папка, озаглавленная автором: «Алексей Ремизов. Материалы к “России в письменах”»¹⁶. На л. 1 Ремизовым переписан состав находящихся в ней материалов: «1) Летописный список XVII в. — 1685 / 2) Новгородские рукописи / 3) Лицевое житие Федора Стратилата / 4) «Брюсов календарь» / 5) Часовник / 6) О построении храма (Библия) / 7) Письмо Михаила Индийского 24 XI 1864 / 8) Альбом / 9) Письмо из России / 10) Письмо / 11) Устьсысольск». После списка в папке находятся материалы: 1) «Летописец XVII века». Выписки рукой Ремизова. 1938 г. (Л. 3–18); 2) «Новгородские рукописи». Выписки рукой Ремизова с перерисованным списком сокращений под титулами. <Б.д.> (Л. 23–33); 3) «Образ Федора Стратилата». Копия рукой неустановленного лица. <Б.д.> (Л. 35–39); 4) «Брюсов календарь». Копия рукой неустановленного лица. <Б.д.> (Л. 41); 5) «Часовник». Переписанное Ремизовым начало Часовника 1701 г. <Б.д.> (Л. 43–46); 6) «О построении храма». Выписки из Библии рукой неустановленного лица. <До 1917 г.>. (Л. 44–46); 7) Письмо Михаила Индийского 24 XI 1864. Копия рукой неустановленного лица. <До 1917 г.>. (Л. 47–49); 8) «Альбом». Переписанный рукой неустановленного лица текст альбома конца XVIII в. <Б.д.>; 8) «Письмо из России». Автограф — оригинал письма крестьянина. Дата-помета Ремизова: «1921 г.»; 9) «Устьсысольск». <Рассказ Ремизова «Адольф Келза»>. Машинопись. <Б.д.>. (Л. 63–71). Отдельно в составе той же части личного архива Ремизова находятся: I. Оригиналы рукописей: 1) Письмо Индийского Михаила брату Алексею Гавриловичу и сестре Елене Ивановне. 24 XI 1864. — Автограф¹⁷. — Письмо хранилось среди материалов книги «Россия в письменах. Том 2»¹⁸; 2) Рапорт полковника Романовича 1го командиру отдельного корпуса внутренней стражи господину генералу-адъютанту графу Комаровскому. 23 февраля 1823 г. — Автограф¹⁹. — Рапорт хранился среди материалов книги «Россия в письменах. Том 2»²⁰; II. Фото- и иные материалы: 1) «Царским указом», «Гербуцы». Материалы к книге «Россия в письменах. Том 2». — Фотографии документов, копии с документов рукой Ремизова и Н.В. Резниковой²¹; 2) Оттиск гербовой печати и фотографии памятников Петру Первому в Ревеле и Риге. Материалы к книге «Россия в письменах. Том 2»²².

Автографы ремизовских рассказов, в дальнейшем вошедших в *РвП-1*, почти не сохранились. Анализ сохранившихся материалов показал, что часть оригиналов источников, автографов-наборных рукописей и вырезок первых публикаций произведений из *РвП-1* были оформлены Ремизовым в виде мини-альбомов, предназначенных для дарения или, возможно, для продажи. При этом в большей части случаев они имеют единые палеографические характеристики (бумага в 4-ку, черные и красные чернила, тип почерка), свойственные для *РвП-Материалы*. Так в РГБ находятся несколько таких мини-альбомов с калли-

графически выполненными красными чернилами заглавиями отдельных рассказов, предваряемых общим заглавием: «Алексей Ремизов. Россия в письмах». Альбомы состоят из текста-вырезки первой публикации и из приложенного к ней оригинала источника. В качестве примера подобной «автономизации» отдельного текста можно назвать мини-альбом под заглавием «Каменные пруды», составленный Ремизовым из текста первой публикации рассказа и находящихся в авторской обложке с названием: «обрывки рукописей на переплетном листе польской библии 1575 г.» — источников рассказа — отрывков рукописных текстов конца XVII в.²³.

В архиве И.А. Рязановского в ГЛМ (Ф. 19) сохранился беловой автограф с правкой — наборная рукопись первой публикации текста «Львова печать иерея Андрея. Письмо клейменое. 1810–1883» с тем же общим заглавием («Алексей Ремизов. Россия в письмах»)²⁴, что и в мини-альбомах РГБ. Вероятно, этот автограф был подарен автором Рязановскому, чей устный рассказ стал источником сюжета «Львовой печати».

Наборная рукопись берлинского издания *РвП-1* на настоящее время не выявлена. См. относящееся к 1950-м гг. свидетельство Ремизова: «По моей археологической страсти я не выбрасываю рукописи <...> В Берлине начал вновь собирать, и собранные черновики и рукописи <...> перевез в Париж. А в Париже — это собранное в Берлине, рукописи, взялся один отвезти в Петербург, а потом исчез, тем и кончилось, мой архив пропал»²⁵.

После выхода из печати *РвП-1* получила положительные критические отзывы. А. Вольский отметил, что «“Россия в письменах” — одна из самых своеобразных исторических хрестоматий, какие когда-либо появлялись на Руси <...> И вот немые цифры оживают под магическим дуновением ремизовской любви к русской старине, таящей в себе столько трогательного, наивного, почти маниакального, со всеми крайностями такого подхода к “доброму старому времени”»²⁶. Рецензент под прозрачным криптонимом «Мих.» [М. Осоргин] писал:

Вышел первый том ремизовской затеи — книга чрезвычайно интересная, вдвойне любопытная. Она любопытна для всякого любителя старины, так как собрана в ней цветная мозаика книжных курьезов, документов, печных изразцов, крестов восьмиконечных, волшебных карт и цифр, — и искусно, как умеет и знает А. Ремизов, приправлена воспоминаниями и рассказами его удивительного, совершенно оригинального слога. Она интересна и тем, что вводит нас в лабораторию писательского творчества, показывает, откуда, из каких письменников, оракулов, азбук, календарей старинных, рукописных книжечек, записных книг Приказной или Судной или Съезжей Избы черпает он и свое вдохновение, и свое искусство. И правда, из всех этих обрывышков, из никому, казалось бы, не нужных записей и полустертых надписей, из писем — встает старая Россия, в простой и крепкой вере, во вкусном суевении, в уюте изразцовой печи и бани с венником, в горестях и радостях еще несложного быта²⁷.

Рецензент той же газеты, скрытый под инициалами «П.Ш.», подчеркнул художественные достоинства книги:

А. Ремизов — страстный любитель старины <...> В течение многих лет он неустанно подбирал всякие памятники прошлого, старые книги, грамоты, записки, крестики, ковши, печати, все, в чем так или иначе запечатлелись черты когда-то живших людей и их времен. «Россия в письменах» представляет собой плод этой многолетней работы. В ней Ремизов

раскрывает перед читателем свою связь с прошлым, которое продолжает жить для него какой-то странной потусторонней жизнью <...> Иногда собранные им памятники старины говорят сами за себя. Но это бывает редко. Чаще случается, что заставляет говорить их Ремизов, оплетая их причудливым художественным узором. А то бывает и так, что Ремизов берет какую-нибудь маленькую, маленькую печатку, — и, ухватившись за нее, набрасывает пером подлинного художника картину жизни целого поколения.

То, что дает Ремизов в своей книге, не история и не археология. Он вычитывает и раскрывает в памятниках старины то сокровенное, что доступно только художнику. Поэтому всюду чувствуется его своеобразная индивидуальность, и памятник как-то сливается с настроениями и мыслями Ремизова в одно целое.

Содержание памятников старины, подобранных в книге Ремизова, пестро, как пестра человеческая жизнь, как пестра Россия²⁸.

В то же время рецензент не увидел художественной целостности *РвП-1*:

Есть в книге и вещи, попавшие в нее совершенно случайно и не имеющие к ее содержанию никакого отношения, кроме того, что они запечатлелись в памяти А. Ремизова. Такими случайными вкраплинами представляются описания двух немецких азбук лейпцигского издания, по которым училась мать Ремизова. Их-то уж ни в каком случае нельзя подвести под тему: «Россия в письменах»²⁹.

На фоне в целом благожелательных, но поверхностных статей выделяется развернутая статья-рецензия Д. Философова «Бытовая Россия» из цикла «Литературная хроника». Вспомним, что этот критик был детально осведомлен и так или иначе участвовал во всех этапах работы Ремизова над *РвП*. В 1910-е гг. он предоставлял писателю тексты-источники — материалы из своего семейного архива, помогал публикации отдельных рассказов. Статья Философова — это первая попытка не только критического осмысления книги Ремизова, но и создания реального комментария к ней.

Когда А.М. Ремизов печатал свою «Россию в письменах» отдельными кусками в русских газетах и журналах, начиная с 1914 года, редакторы пожимали плечами, а читатели улыбались.

Возьмет Алексей Михайлович какую-нибудь старую бумажку 17-го века или письмо 18-го, или девичий альбомчик сороковых годов прошлого века, или старенький шестиконечный крест, словом, какую-нибудь бытовую мелочь старой России и преподнесет ее читателю, окутав предварительно своим, личным опытом, своей, ремизовской интимностью.

Непреренно расскажет кто ему письмо, или крест, принес, кто отец и бабушка «обезьяньего князя» Соколова-Микитова или Рязановского, который собирал в Костроме всякую старину и издал в 100 экз. интереснейшие воспроизведения со старинных пряничных досок.

Начинается книга с описания Вологодской бани, где Ремизов парился с «Павлом Елисеевичем». Он не говорит, кто этот «Павел Елисеевич», но мы-то знаем, что это Щеголев, автор многих, крайне ценных исследований о Пушкине. Тогда в Вологде, он под руководством ныне покойного академика Шахматова (одного из самых замечательных русских ученых и русских людей) занимался русскими апокрифами и древними русскими повестями. Помнится — Щеголев тогда напечатал в «Записках Академии Наук» исследование об «Афродитиане».

Он и ввел Ремизова в святилище старины или как говорит Ремизов: «насмотрелся я, слава Богу, навострил глаз на старой бумаге, на буквах непонятных для нынешнего глаза» <...> Но возвратимся к сборнику. Если выдержки из него печатались прежде как некий бытовой и литературный курьез, то теперь этот сборник получил совсем особое значение, особый смысл.

Точно вещее сердце этого «обезьяньего царя», этого «суслика», который смотрит на мир испуганными глазами, предсказывало ему, что все скоро рухнет, что наступит пора, когда в апокалиптической «грозе и буре» все будет сметено. Сметена и «старая бумага» Ремизова, его игрушки, составлявшие как бы его музей.

«У меня же Письмовник в моей книжнице на верхней полке всегда перед глазами, а караулит его заяц» — пишет Ремизов (стр. 160).

Караулит ли? Не пропали ли зайцы и белки А.М. Ремизова вместе с его письмовником?

Как бы то ни было, а книга осталась.

Странная, не для всех понятная, но милая и близкая всякому русскому.

Есть в ней запах России <...>

А нам, эмигрантам, эти напоминания о вкусе и запахе старой России, когда мы находимся на чужбине, и сладки, и приятны.

Само собой, разумеется, что этим не исчерпывается содержание книги. В ней много и очень существенного в историческом отношении³⁰.

В итоге можно сделать вывод о том, что в первом томе *РвП* нашли отражение историософские взгляды Ремизова периода Второй русской революции. Целый ряд текстов, публиковавшихся в 1913–1916 гг. под общим заголовком «Россия в письмах», в первый том *РвП* включены не были. Также за рамками издания 1922 г. остались рассказы, основанные на документах периода Первой мировой войны. Подобная трансформация состава и структуры книги отражала изменившуюся авторскую концепцию.

В первом томе *РвП*. большая часть книги была составлена из рассказов, написанных в 1917–1918 гг. и тогда же публиковавшихся в антибольшевистской прессе вплоть до времени закрытия большевиками оппозиционных изданий. Ремизовские исторические миниатюры, казалось бы, далекие от современности, появлялись в газетах в едином контексте с сообщениями о расстрелах заложников; об убийствах священников и поругании храмов; о разграблении усадеб и особняков, хранивших художественные коллекции; о нарастающем в стране голоде и ужасах Гражданской войны. Все это придавало рассказам о «пустыках» давней истории остроактуальный смысл, а также делало их своеобразной формой полемики с существующей властью.

¹ РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 79. Л. 2.

² РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 79. Л. 3.

³ РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 79. Л. 4–5 об.

⁴ РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 33. Л. 11.

⁵ РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 33. Л. 16.

⁶ РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 33. Л. 19.

⁷ РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 33. Л. 26.

⁸ РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 33. Л. 30.

⁹ РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 33. Л. 40.

¹⁰ Ремизов А. Россия в письменах. Том I. М.; Берлин: Геликон. 1922. 222 с.

¹¹ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 108.

¹² Ремизов А. «Россия в письменах. Том II» // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 10. 248 л.

¹³ См.: РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 52–60.

¹⁴ РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 11. 16 лл.

¹⁵ РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 200. 8 лл.

- ¹⁶ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 78. 71 лл.
¹⁷ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1015. 2 лл.
¹⁸ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 81. Между лл. 60 и 61.
¹⁹ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1014. 1 л.
²⁰ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 81. Между лл. 46 и 47.
²¹ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 80. 4 лл.
²² ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 81. 1 л.
²³ РГБ. Ф. 416. Э.Ф. Ципельзон. Карт. 8. Ед. хр. 33. 26 лл.
²⁴ ГЛМ. Ф. 19. Оп.1 Ед. хр. 73. 6 лл.
²⁵ *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж: Б.и. [1959]. С. 118–119.
²⁶ *Вольский А.* Алексей Ремизов. Россия в письменах. Том I. Берлин: Геликон. 1922. 222 с. // Накануне (Берлин). 1922. 13 апр. № 16. С. 5.
²⁷ Мих. <Осоргин М.А.>. Алексей Ремизов. Россия в письменах. Том I. Берлин: Геликон. 1922. 222 с. // Дни (Берлин). 1922. 5 ноября. № 7. С. 14.
²⁸ П.Ш. Том I. Берлин: Геликон. 1922. 222 с. // Руль (Берлин). 1922. 4 июня. № 470. С. 7.
²⁹ Там же.
³⁰ *Философов Д.* Бытовая Россия // За свободу! (Варшава). 1922. № 275. 8 окт. С. 2.

Любовь Хачатурян (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН)

ОТ «МЕТАФИЗИКИ ВОЙНЫ» К «МОЛОДОМУ ТОЛСТОМУ» (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКОВЫХ ТЕТРАДЕЙ Б.М. ЭЙХЕНБАУМА 1910–1915 гг.)

Аннотация: Статья посвящена исследованию дневниковых записей Б.М. Эйхенбаума раннего периода, развитию стилистики дневника и т.н. «дневникового мышления», одного из методологических инструментов его работ по истории литературной формы первой половины 1920-х гг. («Молодой Толстой»).

В статье цитируются неопубликованные дневниковые тетради, находящиеся в РГАЛИ (Москва). Литературная обработка раннего дневника, выполненная Б.М. Эйхенбаумом в 1929 г. (глава «Стихи и стихия» сборника «Мой современник»), сопоставлена с оригинальными записями 1915 года.

Abstract: The article is devoted to the study of Boris Eikhenbaum's early autobiographical notes, the development of the original diary style and the so-called "diary thinking" used by Eichenbaum in the early 1920s in his literary form studies (*Young Tolstoy*).

The article is based on the unpublished diary notebooks of Boris Eikhenbaum stored in the Russian State Archive of Literature and Arts (Moscow).

Ключевые слова: Автобиографические записи, Б.М. Эйхенбаум, стилистика дневника, формальный метод, работы 1920-х гг.

Keywords: Autobiographical notes, Boris Eikhenbaum, diary style, Formal Method, works of the 1920s.

Б.М. Эйхенбаум вел дневники практически всю жизнь. Первые записи сохранившихся тетрадей относятся к 1904 г., последние — к 1959-му. До настоящего времени дневники Б.М. Эйхенбаума не были изданы полностью, хотя существуют публикации в журналах и сборниках¹. Тем не менее, даже сокращенные до тематической подборки, дневники Б.М. Эйхенбаума стали уникальным материалом для диссертаций и других научных работ, посвященных истории формального метода и русской филологии в целом.

Дневниковые записи велись в нескольких тетрадях различного формата². Кроме того, автобиографические заметки заносились в записные книжки и рабочие тетради³. В тетрадях дневника последовательно изложены споры и беседы с современниками, а также размышления автора, представленные как внутренний монолог. Большое количество записей посвящено работе Эйхенбаума над подготовкой к изданию сочинений Л.Н. Толстого и М.Ю. Лермонтова, подготовка научных работ, в том числе неосуществленных, неопубликованных